

телефону» (*Джонатан Хаслам*. Литвинов, Сталин и путь, по которому не пошли // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. С. 82). Молотов также до конца дней сохранял свою неприязнь к Литвинову, давал ему нелестную характеристику и субъективные оценки его деятельности (*Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 130–133).

⁷⁹ По сведениям МИД Финляндии, противоречия между Литвиновым и Молотовым возникли с 1928 г., когда Литвинов с отъездом Чичерина на лечение в Германию фактически стал полноправным наркомом иностранных дел (*Кен О., Рупасов А.* Указ. соч. Примеч. 62. С. 549).

⁸⁰ АВП РФ, ф. 082, оп. 16, п. 71, д. 1, л. 203.

⁸¹ Это признавал Литвинов в своей записке Кагановичу 15 сентября 1931 г. (там же, ф. 010, оп. 4, п. 21, д. 63, л. 240).

⁸² Таковыми были комиссии по Афганистану (1928–1929 гг.), о военном сотрудничестве с Германией (1928–1929 гг.), по советско-китайскому конфликту (1929 г.), польско-советским делам (1931–1932 гг.).

⁸³ В декабре 1929 г. комиссии в составе Сталина, Рыкова, Ворошилова, Литвинова, Карыхана было поручено «разрешение всех вопросов, касающихся советско-китайского конфликта» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 767, л. 11).

⁸⁴ *Гроковский И.М.* Из прошлого: Воспоминания. М, 1991. С. 147.

⁸⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 144. Это обстоятельство наложило отпечаток на возможность ознакомления с материалами БМИ, и поэтому его деятельность остается фактически неизученной (*Белюсова З.С.* Советский Союз и европейские проблемы 1933–1934 гг. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 61).

⁸⁶ Стомоняков предупреждал полпреда в Литве о необходимости «большей сдержанности в отношении к этому деятелю» (АВП РФ, ф. 0151, оп. 23, п. 46, д. 2, л. 102). Заведующий 3-м Западным отделом Рубинин проявлял совершенное презрение к Радеку, которого считал «тщеславным писакой и с претензией на всезнание» (*Кен О., Рупасов А.* Указ. соч. Примеч. 73. С. 553).

⁸⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 16, л. 61–62.

⁸⁸ Там же, оп. 3, д. 928, л. 4.

⁸⁹ Там же, д. 945, л. 16. В январе 1934 г. Литвинов был избран членом ЦК ВКП(б).

© 2011 г. В. Г. ДАЦЫШЕН*

КИТАЙЦЫ В РОССИИ И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1929 ГОДА НА КВЖД

В 1929 г. произошел первый крупный вооруженный конфликт Советского Союза с соседним государством. Красная армия разгромила китайские части в приграничных районах Маньчжурии, добившись восстановления нарушенного китайскими властями статус-кво на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Конфликт 1929 г. стал самым крупным столкновением между СССР и Китайской Республикой (КР), но в последнее время в отечественной науке этому событию уделяется недостаточно внимания¹. Между тем советско-китайский конфликт на КВЖД произошел в переломный для нашей страны момент трансформации государства и общества, во многом явившись одним из рубежных событий отечественной истории. Одним из немаловажных аспектов проблемы является то, что конфликт случился в ситуации, когда в России еще сохранялась значительная община китайских мигрантов, а переход государства от доминанты интернационализма на национально-патриотические позиции еще не был завершен.

Советско-китайские отношения вступили в полосу кризиса в конце 1920-х гг. В июне 1928 г. после занятия Пекина гоминьдановским генералом Янь Сишанем пекинское правительство, с которым Советский Союз в 1924 г. установил дипломатические отношения, прекратило существование. Нормальных отношений с гоминьдановским

* **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета.

правительством КР в Нанкине во главе с Чан Кайши Москва установить не смогла. Еще в конце 1927 г. произошли нападения на советские представительства в Южном Китае, а 14 декабря того же года были расстреляны 5 сотрудников советского консульства в Гуанчжоу. На февральском 1928 г. IV пленуме ЦИК Гоминьдана было принято решение об отмене неравноправных договоров, а в декабре 1928 г. Чан Кайши объявил советско-китайский договор 1924 г., оформивший совместное владение КВЖД, неравноправным.

В центре конфликта между двумя государствами и народами в конце 1920-х гг. как и прежде лежала КВЖД². Не случайно в научных кругах СССР во второй половине 1920-х гг. развернулась дискуссия по проблеме преемственности советской политики в Китае в связи с совместным владением КВЖД. Ведущий советский исследователь Б.А. Романов в статье «Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892–1925 гг.» писал: «Железнодорожная... нить... продолжает играть кардинальную роль в дальневосточной политике Союза ССР, фактически внедряя его трансманьчжурским своим отрезком в тыл самой боевой из всех подсобных империалистических группировок Китая – Мукденской»³. Его оппоненты же полагали: «Что касается КВЖД, которая в прошлом только носила русско-китайскую “вывеску”... то с момента заключения политического соглашения с китайским правительством и дополнительного соглашения с Мукденом, она становится подлинным советско-китайским предприятием»⁴. Но споры о КВЖД велись не только в научном мире, этот вопрос был одним из основных во внутриполитической борьбе⁵. Для дипломатов это тоже стало непростой проблемой. Например, во время очередного обострения ситуации на КВЖД в 1926 г. нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин писал своему заместителю Л. М. Карахану: «Главная причина наших неудач повсюду на Востоке есть противоречие между нашей исторической сущностью и нашими фактическими империалистическими методами... нельзя же иметь одну политику в Кантоне и Пекине и диаметрально противоположную в Харбине»⁶.

Отношения с властями Маньчжурии у советского руководства всегда были сложными. Следует отметить, что еще в июле 1924 г. ее «хозяин» Чжан Цзолинь отказался признать советско-китайское «Соглашение о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой» от 31 мая 1924 г. Но 20 сентября того же года было подписано «Соглашение между правительством СССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики», несколько скорректировавшее предыдущий документ. Весь 1926 г. прошел в ситуации конфликтов и противостояния, 31 августа Чичерин направил советским полпредам телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Чжан Цзолинь начал кампанию постепенного вытеснения нас с КВЖД»⁷. В 1927 г. после серии антисоветских акций на подконтрольной Чжан Цзолиню территории, в том числе захвата Полпредства СССР, дипломатический персонал был отозван из Пекина. Правда, в самой Маньчжурии маршал Чжан Цзолинь не переступал определенной грани противостояния и в критических ситуациях умел находить компромисс. Но 4 июня 1928 г. он был убит, а место «хозяина» Маньчжурии перешло к менее искушенному в политике его сыну – Чжан Сюэяну. В конце концов, маньчжурские власти не удержались от соблазна насильственных действий против советских представителей и на КВЖД. 22 декабря 1928 г. была захвачена телефонная станция, а 27 мая 1929 г. китайская полиция в нарушение международного права провела 6-часовой обыск в Генконсульстве СССР в Харбине. На советские ноты по данному поводу китайская сторона должным образом не отреагировала, показав готовность идти на конфликт с Советским Союзом.

Определенную роль в развитии противостояния сыграл фактор китайского присутствия в СССР, где насчитывалось около 100 тыс. китайских мигрантов. По переписи 1926 г. на территории Дальневосточного края (ДВК) проживали 3 815 граждан СССР и 68 190 иностранцев китайской национальности, в Сибирском крае были зафиксированы 1 409 советских китайцев и 2 151 гражданин КР. Крупная китайская община сложилась в Москве, где в 1928 г. насчитывалось около 8 тыс. китайцев. Значительное

число китайцев (более 500) проживало в Ленинграде, в середине 1920-х гг. до тысячи китайских рабочих находились на Донбассе, немало китайских эмигрантов осело в других районах СССР.

Ухудшение отношений между ВКП(б) и Гоминьданом было взаимосвязано с началом активного участия китайцев во внутриполитической борьбе в СССР. Например, 7 ноября 1927 г. китайские студенты вместе с советскими троцкистами несли лозунг «Долой Сталина». В докладе «Отражение борьбы группировок китайской коммунистической партии среди китайских коммунистов в ДВК» отмечалось: «Групповая борьба среди кит. коммунистов ДВК началась в 1927 г. с приездом первой партии китайских работников, присланных из Москвы. Дело в том, что в то время Москва посылала на ДВ наименее выдержанных китайских коммунистов с тем, чтобы здесь они воспитались бы среди рабочих. Однако низкий политический уровень кит. рабочих в те годы дал им возможность организовать всякого рода группировки»⁸. Внутри китайской партиячки сложилось две группировки: «одна группа из части приезжих товарищей. Большинство из них южане-интеллигенты. Другая группа – местные товарищи (“сибиряки”) либо политически малограмотные, либо совсем неграмотные, в большинстве своем – северяне»⁹. Возможно, с этими проблемами был связан процесс в Хабаровске, когда в 1927 г. судили одного из китайских коммунистических лидеров по обвинению в террористической деятельности¹⁰. Китайский консул в Никольск-Уссурийске писал в начале 1928 г. в Пекин: «С тех пор, как коммунистов изгнали с юга, с местными китайцами обращаются все хуже. В декабре прошлого года в нашем городе было арестовано много китайских торговцев»¹¹. Однако официальный Китай в конце 1920-х гг. не выделял китайскую миграцию в СССР в числе приоритетных проблем отношений двух стран.

Советские и партийные органы по всей стране обращали внимание на проведение политико-пропагандистской работы среди китайских рабочих. В 1927 г. в Москве было создано общество «Руки прочь от Китая». Руководящим органом его стало Центральное правление, в сентябре 1927 г. были приняты устав общества и план его работы, один из пунктов которого наметил открытие отделений данной организации в регионах. В плане работы китайской секции в Иркутске в 1927 г. читаем: «В этой школе главным образом обучать политграмоте. В течение 3-х месяцев собрать два общих собрания китайской секции. На втором обсудить, как китайские рабочие могут помогать китайской революции»¹². В резолюции общего собрания рабочих-китайцев в г. Черемхово говорилось: «Мы, работающие в СССР китайские рабочие, являемся частью китайского рабочего класса, должны помогать нарастанию революции в Китае»¹³.

Одним из направлений «китайской политики» в СССР в условиях начавшейся индустриализации были «антинэпмановские» мероприятия. Например, актив китайской секции Иркутского окружкома ВКП(б) в конце 1920-х гг. принял решение: «Вести работу по борьбе с эксплуатацией рабочих со стороны нэпманов-китайцев, с незаконной торговлей и дать решительный отпор непмановской агитации против всенародных мероприятий, проводимых Советским правительством»¹⁴. С другой стороны, активизировалась борьба китайцев за улучшение условий труда. Центр этой борьбы находился в Приморье, где сотни китайских рабочих регулярно участвовали в забастовках, но конфликтные ситуации имели место по всей России. Например, в 1927 г. серьезный конфликт из-за расчетов с китайскими рабочими разбирался на китайской секции при Рудкоме горняков в Иркутске, принявшей решение по факту угроз одного китайца убить заведующего рудником: «Неправильно ругаться, убить и бросить работу»¹⁵.

Антисоветские настроения среди китайцев России во многом были вызваны трудными условиями жизни и работы, а также отчужденностью от русского общества и культуры. В отчете инструктора по работе среди восточных рабочих за 1929 г. при Сретенском управлении Союззолото сообщалось о тяжелом материальном положении китайских рабочих и их семей на приисках Сретенского округа, о низком уровне их культурного обслуживания¹⁶. В отчете «О работе среди Восточных рабочих по Но-

вотроицкому прииску Сретенского округа за время 20-го октября 1928 по 15 января 1929 года», в числе 370 китайцев, говорилось: «3) Мысли рабочих утопические каждый хочет быть богатым, думают о царизме, национализме и пр. 4) Жилищные условия Восточных рабочих самые прескверные, живут по 40–50 человек в одной “франзе” имея два маленьких окна, сплошные нары, земляной пол и т.д.»¹⁷. Далее отмечалось: «Обеспеченность рабочих желает много лучшего, низкая заработная плата имеет корни ухода рабочих с прииска... Одним и самым основным препятствием в работе является у всех работников по работе среди Восточных рабочих непонимание самого производства и русского языка»¹⁸.

Несмотря на внимание советских и партийных органов к китайским мигрантам, коммунистов среди них почти не было. Представители китайской общины вели довольно замкнутый образ жизни и в Советской России оставались приверженцами своей традиционной культуры. В докладе полномочного представительства ОГПУ ДВК в 1927 г. констатировалось: «Религиозные организации китайцев – буддийские общества – существуют во всех городах ДВК, где есть китайское население. Эти организации инспирируются из Китая и руководятся оттуда китайскими центральными такими же организациями. Зафиксированы попытки китайских реакционеров использовать эти религиозные общества с целью ведения политической разведки в СССР, для чего консульствами весной сего года вербовались разведчики из числа лиц, состоящих в них, согласно указаний Мукдена»¹⁹.

Свою роль в деле обострения советско-китайских отношений сыграла попытка вновь, как это было до революции 1917 г., наладить организованный ввоз китайских рабочих в Россию²⁰. На заседании Совета труда и обороны 2 марта 1928 г. было принято постановление: «Разрешить ввоз 2 000 рабочих (корейцев и китайцев) для золотопромышленности Дальнего Востока»²¹. Более того, в регионе встал вопрос о более масштабном привлечении китайцев в разные отрасли хозяйства. 26 сентября 1928 г. в Хабаровске состоялось «Совещание по вопросу завоза из Китая восточных рабочих на старательские работы для золотопромышленности», на котором проявились как противоположные взгляды на проблему, так и слабое знание дел. Представитель «Союззолота» отмечал в своем выступлении: «Что же касается необходимости завоза рабочих из Китая, то вполне очевидно, что у Союззолота разрешение должно быть, так как недостаток старателей на приисках влечет за собой невыполнение программы добычи золота... с весны потребуются рабочие для промывки песков и вопрос о разрешении нам ввоза 9 000 китайских рабочих нужно разрешить в положительном смысле и немедленно»²². Дважды представители Союззолота пытались договориться с китайскими властями, которые выдвинули неприемлемые условия. После этого попытались провести китайских рабочих с помощью китайской фирмы нелегально на пароходах, но все 5 партий, более 500 человек, были задержаны в Лахасусу. Сообщалось, что сотрудников одной фирмы расстреляли, другие китайские фирмы после этого отказались от подобного рода предприятий. Нелегальная вербовка рабочих в Китае привела лишь к росту противоречий и усилению охраны границы²³.

Советско-китайская граница в 1920-х гг. фактически еще была открытой, но ситуация на ней оставалась довольно напряженной. Это не была «граница мира и дружбы», что подтверждается документами. Например, в «Письме командному, политическому и красноармейскому составу, славным Амурцам 6-й роте» за 1926 г. читаем: «Мы, сотрудники Амурского земельного управления, шлем вам искренний свой товарищеский привет. Несмотря на то что международное положение почти не улучшилось с того момента, как были в своих казармах, а сейчас находитесь на самой границе, охраняя завоевания Октября от наглых контрреволюционеров, руководимых китайской военщиной и буржуазией»²⁴. Необходимо отметить, что напряженная ситуация в советско-китайских отношениях к 1929 г. сложилась не только на Дальнем Востоке, конфликты и противоречия имели место и на других участках границы. Например, 3 мая 1929 г. произошло вооруженное столкновение между китайскими и советскими погранич-

никами в районе озера Зайсан, вызванное территориальными претензиями Китая на местность в районе поселка Май-Копчегай²⁵.

Развитие советско-китайского противостояния в Маньчжурии привело к захвату китайскими властями КВЖД. 10 июля 1929 г. китайская полиция заняла центральный телеграф КВЖД, арестовала 9 сотрудников дороги. Новый глава дороги Фань Цигуань стал увольнять и выселять советских граждан. В подписанной Караханом дипломатической ноте от 13 июля 1929 г. указывалось: «10 июля утром китайские власти произвели налет на КВЖД и захватили телеграф по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР... Дубань дороги (председатель правления КВЖД. – В.Д.) Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дорогой другому лицу, назначенному дубанем... По всей КВЖД закрыты и разгромлены профсоюзы и кооперативные организации рабочих, арестовано более двухсот граждан СССР»²⁶. Всего, по данным советской прессы, были арестованы 1 683 человека, в том числе 80 женщин и 30 детей. Отмечалось много случаев убийств на улицах и расстрелов советских граждан «по приговору военно-полевого суда».

Важным представляется официальная реакция на развитие конфликта на местном уровне. В «Протоколе Внеочередного заседания Пленума Благовещенского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 15 июля 1929 г.» было зафиксировано содержание доклада о международном положении и событиях в Китае, в частности, говорилось: «Возьмем возмутительные безобразия, происшедшие в непосредственной близости от нас, в Северной Маньчжурии. Наглый захват Китайской Восточной железной дороги, разгром общественных организаций, нападения на советские учреждения, арест советских граждан, все это заставляет дать этим возмутительным неслыханным безобразиям должную оценку. Нападения на отдельных советских граждан означает нападение в лице их на Советский Союз... Но пусть китайская буржуазия не убаюкивает себя разговорами о нашей слабости. Советское правительство уже приняло первые решительные меры... Мы не желаем войны, но когда видим, что китайское правительство издевается над интересами Советского Союза, нарушает все договоры и права, глумится над советскими гражданами, то мы должны заявить: “Довольно терпеть”»²⁷. Председатель местного окрисполкома выступил со следующим заявлением: «От имени горсовета и окрисполкома призываю трудящихся к выдержанности, призываю не поддаваться не на какую провокацию, но в то же время быть готовыми к защите завоеваний Октября»²⁸. Однако в постановлении пленума Благовещенского горсовета было записано: «Настаиваем принять самые решительные меры, которые раз и навсегда отбили бы охоту у китайских империалистов творить издевательства над Советской страной и бесчинствовать над ее гражданами»²⁹.

В июле 1929 г. участились провокации на советско-китайской границе. Китайцами 18 и 19 июля были обстреляны советские пограничники в районе Турий Рог, 24 июля в районе Зарубино – советский торговый пароход, в устье Сунгари – канонерка. 9 августа в районе Славянки подвергся нападению с китайской стороны пограничный разъезд, был убит начальник советской погранзаставы. 11 августа имела место переправа китайского отряда через Амур, а 18 августа части китайского стрелкового полка перешли границу в районе Полтавки. Всего с июля по ноябрь 1929 г. были зафиксированы 245 обстрелов пограничников и 42 нападения, при этом советские потери составили 56 убитыми и 118 ранеными. Особо следует отметить, что в значительной мере вооруженное столкновение на границе имело характер противостояния между белыми и красными русскими, оставшегося в наследство от Гражданской войны. Китайские власти использовали в своих интересах это противостояние, но, в свою очередь, и сами втягивались в конфликт.

Советское правительство в первой половине июля 1929 г. взяло курс на разрешение столкновения дипломатическим путем, но затем изменило свою позицию: нотой от 17 июля 1929 г. объявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем, китайским

дипломатам было предложено покинуть территорию СССР. В течение июля–августа 1929 г. продолжалась «дипломатическая игра» вокруг урегулирования ситуации на КВЖД. Чжан Сюэлян взял курс на легализацию сложившегося после захвата дороги положения. Глава же «Национального правительства» в Нанкине Чан Кайши занял двойственную позицию, например, в его речи, произнесенной в ЦК Гоминьдана 15 июля 1929 г., заявлялось: «Между Китаем и Россией имеется много неразрешенных проблем... “Красный” империализм является поэтому более опасным, чем империализм “белый”... Если советское правительство уважает суверенитет Китая и согласится заключить с нами договор на основах абсолютного равенства и взаимности, мы готовы возобновить дипломатические отношения с Советским правительством... Мы хотим, однако, взять сначала КВЖД. Прежде чем приступить к другим вопросам... Речами и лозунгами многого не достигнешь. Неравноправные договоры никогда не будут упразднены путем применения военной силы»³⁰. Нанкинское правительство так и не отправило войска в поддержку армии Чжан Сюэляна. Но власти и вооруженные силы Маньчжурии «увязли» в военном конфликте. Таким образом, Москва и Нанкин были настроены решительно и бескомпромиссно, но при этом ни И.В. Сталин, ни Чан Кайши не собирались решать проблему военным путем. Однако военного столкновения избежать не удалось. Произошло это, очевидно, потому, что кризис на КВЖД создал условия для обострения всего комплекса проблем и противоречий в русско-китайских взаимоотношениях.

С 16 июля 1929 г. в соответствии с указанием ОГПУ войска пограничной охраны были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Пограничники и моряки Амурской флотилии 19 июля получили распоряжение блокировать пограничные реки, уничтожать банды на территории врага, а в начале августа вышел приказ о создании на границе с Китаем Особой Дальневосточной армии. С 10 июля по 10 октября 1929 г. были проведены 64 оперативно-войсковые операции, связанные с разгромом китайских отрядов и гарнизонов на границе³¹. 18 сентября 1929 г. последовало заявление правительства СССР о том, что вся ответственность за возможный конфликт ложится на Китай.

24 июля весь состав китайского посольства вынужден был покинуть Советский Союз. На следующий день Иркутск оставил китайский генконсул с семьей и всем штатом консульства. Газета «Советская Сибирь» писала: «Перегруженный богатствами консула грузовик при выезде из усадьбы особняка проломил мостик и тротуар. Коммунальный отдел немедленно составил акт на консула. Автомобиль консула около особняка, на углах улиц города и на вокзале был встречен рабочими и комсомольцами, которые со свистом и криком: “налетки поехали домой”, “мы сумеем постоять за наши интересы на КВЖД, за нашу Страну Советов”, – провожали отъезжавшего консула»³². В этот же день выехал в Китай и консул из Благовещенска, на границе в консульском багаже было найдено 42 винтовки и многие запрещенные предметы. Интересы Китая и его граждан в СССР в этот период защищали посольство и консульства Германии. Кроме того, на территории СССР, даже в приграничных с Китаем районах, сохранились некоторые консульские учреждения Китая, например консульства в Зайсане и Чите.

Разрыв дипломатических отношений и эскалация конфликта напрямую отразились на положении китайских мигрантов. Подавляющее большинство живших в СССР китайцев оставались гражданами КР. Однако советско-китайский конфликт классифицировался как классовый, но не межгосударственный, что отчасти соответствовало реалиям того времени. В связи с этим проживавшие в СССР китайцы не воспринимались в качестве граждан враждебного государства, наоборот, китайские рабочие виделись наиболее заинтересованной стороной в скорейшем разгроме «белокитайцев». Но в России, как и во всем мире, традиционно присутствовали синофобские настроения, кроме того, граждане находящейся в военном конфликте страны объективно могли представлять угрозу. Все это обусловило повышенную активность советских властей в отношении китайцев, особенно в приграничных районах.

Летом 1929 г. прошли мероприятия по частичному выселению китайцев из этих районов. Так, 23 июля из предложенных ОГПУ в качестве «антисоветских элементов» 370 китайцев и 400 русских решили убрать из Благовещенского военного городка по 300 человек тех и других. В августе 1929 г. Хабаровский погранотряд провел операцию по изъятию неблагонадежного элемента из числа китайцев в приграничных селениях и арестовал 120 человек. Во Владивостоке выселили или взяли под домашний арест китайских купцов. Иногда выселения производились и «на общественных началах». В сентябре 1929 г. произошла так называемая Урюмская история, когда на золотодобывающем прииске «Большой Урюм» Могочинского района арестовали почти всех китайцев (92 человека). Но в Могоче, куда их доставили «бдительные граждане», китайцев освободили и отправили обратно на прииск.

В целом во второй половине 1929 г. отмечалось множество фактов роста напряженности между китайцами и советскими органами. В Бодайбинском районе состоялась необоснованная проверка паспортов у китайцев и корейцев, проведенная посреди ночи³³. В отчетном докладе «По проведению агитационно-разъяснительной работы среди китрабочих в г. Имане» говорилось: «Дальше надо сказать об издевательствах милиции над китрабочими. Были такие факты: а) в сентябре с.г. между русскими и китайцами была драка за неправильное распределение вагонов, во время драки милиционеры сначала избили китрабочих, потом арестовали двух, говорят, что китрабочие отняли у милиционеров винтовки... б) В середине октября поздней ночью был произведен обыск милиционерами в рабочих бараках, для обыска не был предъявлен ордер, после обыска не был составлен акт... в) После этого обыска ... ночью милиционеры опять зашли в рабочие помещения, в котором был один выстрел... Кроме этих фактов, между милиционерами и китрабочими часто бывают конфликты»³⁴.

Ситуация вокруг китайской общины в 1929 г. была довольно противоречивой. Например, в сводке Иркутского окружкома ВКП(б) читаем: «Настроение китайцев в Слюдянке в основном здоровое, многие из них заявляли: “Будем защищать Советскую власть вместе с нашими консулами, так как она нас не притесняет”... Один китаец, бывший семеновец, в настоящее время рабочий депо говорил обратное: “Будем бить коммунистов и громить Советскую власть”»³⁵. В «Протоколе Общего собрания китайского населения», состоявшегося 7 августа 1929 г. в Хабаровске, было записано: «Общее собрание китайских рабочих в количестве 400 человек и всего населения считает необходимым находящееся помещение в данное время под молитвенным домом и использующееся кучкой лиц для своих выгод... взять и использовать под лечебное заведение»³⁶.

Китайские рабочие в СССР летом 1929 г. продемонстрировали поддержку политики Москвы. Показательной является опубликованная в газете «Советская Сибирь» «Резолюция китайцев гор. Новосибирска, протестующих против гнусного налета китайских генералов КВЖД». В ней отмечалось: Кооперативная артель “Пекинский сапожник” в количестве 30 чел[овек] исключительно китайцы, вносит 5 процентов от своего заработка, т.е. 186 рублей в фонд постройки эскадрильи “Разрыв” в ответ на гнусное отношение к СССР китайских контрреволюционных генералов. Вызываем все коллективы промкооперативных артелей китайцев последовать нашему примеру»³⁷. В отчетном докладе «По проведению агитационно-разъяснительной работы среди китрабочих в г. Имане», в частности, говорилось: «Рабочие активно высказывали свое мнение. Хотя политический уровень китрабочих низкий, но знают СССР гораздо лучше, чем свою родину. На провокацию империализма китайской военщины очень недовольны. Они заявляют, что защищать СССР – это их обязанность»³⁸. На приисках Могочинского района, где преобладал китайский труд, были собраны средства на самолет «Ответ Нанкину», а среди китайцев в районе Имана – на строительство самолетов «Ультиматум Нанкину» и «Крылья Кантонской коммуны». На общем собрании актива китайцев Иркутска в сентябре 1929 г. также решили собирать средства на постройку боевого самолета «Крылья Кантонской коммуны»³⁹.

Китайцы готовились к участию в военных действиях или уже в них участвовали. Например, бывший красный партизан Янь-дэ-хай, работавший с мая 1929 г. конвойным в тюрьме, во время конфликта на КВЖД 2 месяца был на фронте. Охранник Забайкальской железной дороги В.В. Радов выступил в 1929 г. со следующим заявлением: «Во многих городах СССР есть организованные Китайские восточные рабочие союзы, у нас в Иркутске нет такового. Я как националист, т.е. китаец, прошу разрешения организовать таковой. Работу по организации беру на себя»⁴⁰. Многие китайцы во второй половине того же года прошли «курсы ОСО-АВИАХИМА по военной подготовке» в Хабаровске, в том числе 60 человек из Артема, 25 – из Сучана и т.д.⁴¹.

Тем не менее рост напряженности в советско-китайских отношениях вызвал рост антикитайских настроений, и местные власти пытались с этим бороться. В параграфе 13 протокола № 48 заседания бюро Иркутского окружкома ВКП(б) от 22 августа 1929 г. «О ходе агитационной кампании в связи с событиями на КВЖД» было записано: «3. Обязать АППО ОК и ОПБ наладить систематическую разъяснительную работу среди китайского трудящегося населения... 5. Поручить редакции “Власть труда” дать ряд статей в газете о борьбе с имевшими место шовинистическими настроениями на предприятиях (выступления против китайцев-трудящихся, ярко шовинистические выступления некоторых отсталых слоев рабочих и т.п.)»⁴².

В условиях развития вооруженного противостояния советское руководство поддержало и усиление карательных мер против китайцев. На заседании Политбюро от 5 сентября 1929 г. давалось указание ОГПУ «усилить репрессии по отношению к китайским гражданам из торговцев, спекулянтов и т.п., заключив в тюрьму в ближайшие дни от 1–2 тыс. человек, главным образом, в районе Дальнего Востока и сделав самый режим заключения более суровым, чем в настоящее время»⁴³. В сентябре 1929 г. прошли аресты китайцев, проживавших и работавших в разных районах страны. Арестованный в 1929 г. в Хабаровске и осужденный на 3 года за антисоветскую деятельность Сергей Александрович Юань-Сун-Юн был сослан в Нарым, где и остался жить до конца 1930-х гг.⁴⁴ В селах на Алтае 7–9 сентября арестовали двух китайцев, артиста и безработного. Первый из них был осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 23 марта 1930 г. к высылке из СССР, второй – к высшей мере наказания⁴⁵. В документах отмечалось: «По полученным в консульстве Китайской Республики в г. Чите сведениям, 7 сентября 1929 г. 12 китайских подданных, проживавших в Барнауле, были арестованы в связи с конфликтом на Китайской Восточной железной дороге агентами ОГПУ, осуждены к лишению свободы на три года по обвинению в 58/6 и 59/12 ст. ст. уголовного кодекса РСФСР и отправлены на кирпичный завод Сибирского управления лагерей особого назначения ОГПУ гор. Кузнецка Сибирского края»⁴⁶. Были и другие аресты китайцев в это время на Алтае, например фотографов из Рубцовска и Тальменки Чжан-Шу-Шина и Чжан-Яна, но случаев политических репрессий в отношении китайцев в этом крае до 1937 г. не зафиксировано.

Осенью 1929 г. на советско-китайской границе развернулись широкомасштабные боевые действия. В октябре–ноябре на разных участках границы части Красной армии разгромили китайские войска. 12 октября начались военные действия в устье Сунгари, через 5 дней части Особой Дальневосточной армии перешли в наступление из Забайкалья и Приморья. В результате Мишаньфуской (17–18 ноября) и Маньчжуро-Даланьской (17–20 ноября) операций китайские войска были разбиты. Только 35-я стрелковая дивизия после боев 17–19 ноября взяла в плен 42 офицера и 988 солдат, были захоронены 1 035 убитых. Командующий Северо-Западным фронтом Лян Чжуцзян со своим штабом (около 250 офицеров и 9 тыс. солдат) попал в плен. Потери Красной армии составили 143 человека убитыми, 4 – без вести пропавшими, 665 – ранеными. За успешно проведенную операцию по разгрому китайских войск командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией командарм 1-го ранга В.К. Блюхер первым в стране был награжден в 1930 г. Орденом Красной Звезды.

19 ноября 1929 г. китайская сторона дала согласие советской на переговоры, и 21–22 ноября они на местном уровне договорились об этом. Правда, Чан Кайши пы-

тался перенести вопрос о конфликте в Лигу Наций, но его не поддержали страны Запада. Не нашел он поддержки и в вопросе создания «смешанной комиссии» во главе с иностранным представителем. У Чжан Сюэяня выбора не было, и 27 ноября он отправил в Москву телеграмму с принятием советских условий. 3 декабря в Никольск-Уссурийске был подписан протокол о восстановлении статус-кво на КВЖД. 13 декабря в Хабаровск прибыл дипломатический комиссар МИДа Китая в Харбине Цай Юньшэн для переговоров с уполномоченным НКВД А. Симановским, и 22 декабря они подписали «Хабаровский протокол об урегулировании конфликта на КВЖД». Советское правительство обязалось освободить всех арестованных китайских граждан и интернированных китайских солдат и офицеров. Китайские власти освобождали всех арестованных советских граждан и восстанавливали на работе уволенных. Соглашением предусматривалось возобновление работы консульств. Советские войска вскоре покинули территорию Китая (последний эшелон вернулся из Маньчжурии 25 декабря 1929 г.).

В результате успешных военных операций Красной армии в Маньчжурии на советскую территорию поступили многочисленные партии военнопленных. Участники событий отмечали: «Окруженные группы китайских солдат охотно сдавались в плен и без страха выходили из укрытий»⁴⁷. Можно отметить еще одно наблюдение: «На другой день пленные пошли на работу. Они охотно разрушали блиндажи, которые сами же строили по приказу своих начальников. Многие китайские солдаты говорили, что хотели бы служить в Красной армии. Им, конечно, отказали»⁴⁸. Вскоре советские газеты писали: «На улицах Хабаровска появились большие группы освобожденных солдат китайской армии, взятых в бывших боях с белокайтацами. Солдаты освобождены в соответствии с подписанным в Хабаровске соглашением. Отношение населения к ним самое дружеское. Многие из освобожденных выражают желание остаться в Советском Союзе для трудовой жизни»⁴⁹.

29 ноября 1929 г. в Хабаровске состоялось «Совещание Краевой комиссии по работе среди китайских военнопленных»⁵⁰. Основное внимание комиссия сосредоточила на вопросе о кадрах китайских коммунистов, направляемых для работы с военнопленными в Хабаровске, Владивостоке и Чите, и развертывании агитационной работы среди пленных китайцев. На совещании был «разрешен вопрос» об издании газеты «За Советский Союз» («Юнху Сулянь») «исключительно для обслуживания военнопленных в крае». В постановлении совещания было записано: «2. Считать необходимым, по согласовании с соответствующими органами, освобождение после некоторой политической обработки рабоче-крестьянских элементов, случайно задержанных с китсолдатами, и отправку их на китайскую территорию... 5. Дать указания В[лади]-Востоку, Хабаровску и Чите об обеспечении необходимым количеством кит-политработников при создании и оборудовании красных уголков, проведении и организации вечеров и киносеансов среди военнопленных, издании на месте популярных листовок, выделении делегации из русских и китайских рабочих для посещения и беседы с военнопленными»⁵¹.

Взятых в плен китайских солдат направляли на работы в разные районы советского Дальнего Востока. В середине декабря, например, более 100 военнопленных поступили на лесозаготовки в район Тернея в северо-восточной части Приморья. 14 декабря 1929 г. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) сообщал: «Огромные массы китайских военнопленных солдат, взятых во время последних боевых операций, поступают на хозяйственные работы... Далькрайком ВКП(б) обращает Ваше внимание на необходимость вдумчивой, серьезно организованной системы хозяйственного и политического обслуживания военнопленных во время их пребывания на работе. Целевая установка работы с военнопленными – использование каждого дня их нахождения на советской территории для полного политического перевоспитания их, для превращения бывшего активного противника Советского Союза в сочувственно настроенного человека, для превращения бывшей боевой силы противника в фактор, который будет способен разложить китайскую армию простой передачей правдивого рассказа о советской

стране. Политорганам ОДВА в сравнительно короткий срок удалось в политическом перевоспитании военнопленных китсолдат добиться огромных результатов, удалось... пробудить классовое сознание и ненависть к буржуазии и офицерству в основной массе пленных... важно добиться такого положения, при котором совершенно была бы исключена возможность проявления великодержавного шовинизма со стороны русской части рабочих, чтобы каждый случай пренебрежительного или враждебного отношения к пленным встречал самое строгое осуждение и решительную беспощадную борьбу... Крайком ВКП(б), сообщая Вам о наличии в крае огромного массива пленных до 8 000 человек, считает работу с ними важнейшей партийно-политической задачей, ответственность за усиленное проведение которой в первую голову ложится на все звенья партийного аппарата»⁵².

Окончание советско-китайского конфликта дало основание арестованным в СССР китайцам начать борьбу за свое освобождение. В январе 1930 г. они объявили голодовку в одной из колоний в районе Барнаула. Местным властям пришлось отчитываться перед Новосибирском: «Барнаульский Окружной административный отдел сообщает, что заключенные китайцы в количестве 28 человек... объявили голодовку, мотивируя незаконное задержание под стражей с требованием освобождения... 3 марта с/г лично проверил содержание заключенных в Домзаке. Из разговоров с последними претензиями на режим и грубое обращение со стороны администрации Домзака заявлений не было, а наоборот, отзывались хорошо, мотивируя голодовку вышеуказанным»⁵³. Заключенные китайцы голодовку прекратили, но к процессу подключилось консульство КР в Чите. В декабре 1930 г. из Сибирского краевого административного отдела сообщали Уполномоченному НКВД при правительстве РСФСР: «ЗСКАУ препровождает запрос Китайского консульства в Чите от 22. XI. с.г. № 248 по поводу пересмотра дел 12 китайских граждан, осужденных по 58 и 59 ст. ст. УК РСФСР»⁵⁴. В обращении Китайского консульства к начальнику административного отдела Западной Сибири Ваганову от 22 сентября отмечалось: «По полученным в консульстве Китайской Республики в г. Чите сведениям... Из 12 китайских граждан только у гражданина Ли-Ча-Бо при обыске было найдено 40 золотых рублей и один фунт опиума и гражданина Ван-Лин-Тин револьвер, однако у остальных граждан ничего не было найдено. Принимая во внимание, что после урегулирования конфликта на КВЖД существуют мирные и добрососедские отношения между Китаем и СССР, и так как у вышеуказанных 10 китайских граждан никаких фактов преступления не было обнаружено, Консульство имеет честь просить Вас не отказать дать распоряжение соответствующим органам о пересмотре данного дела и об освобождении в ближайшее время поименованных в списке китайских подданных из-под стражи»⁵⁵. Большинство арестованных в 1929 г. китайцев было освобождено. Таким образом, во время конфликта китайские мигранты в СССР оказались в сложной ситуации. Однако в силу ряда причин и факторов не произошло ни резкого роста антикитайских настроений и насильственных действий в отношении китайцев со стороны местного населения, ни организованной репрессивной кампании со стороны государства.

«Хабаровский протокол об урегулировании конфликта» лишь остановил вооруженное столкновение и восстановил статус-кво на КВЖД. Полное восстановление двухсторонних отношений было перенесено на назначенную на 25 января 1930 г. конференцию в Москве. Но по причине отказа китайской стороны от принятых на себя ранее обязательств конференция не состоялась. 8 февраля Нанкинское правительство опубликовало заявление о непризнании Хабаровского протокола. На начавшихся 11 октября 1930 г. советско-китайских переговорах представитель Китая так и не признал Хабаровский протокол, и в 1931 г. переговоры велись уже о продаже Китаю КВЖД. При этом тупиковая ситуация в советско-китайских переговорах по итогам вооруженного конфликта на КВЖД напрямую не отразилась на положении китайцев в СССР. Однако сохранившаяся напряженность в двухсторонних отношениях, наряду с усилением идеологического давления и ухудшением социально-экономического положения мигрантов, привели к началу массового оттока китайцев из Советского Союза⁵⁶. В

письме секретарю Далькрайкома ВКГ(б) агент НКВД в Хабаровске И. Спильванек в марте 1931 г. сообщал: «За последние месяцы наблюдается резкий рост отъезда китайских рабочих на родину... Многие из вернувшихся таким образом... озлобленные выливают свою горечь в агитации среди своих земляков против приезда в ДВ край на работу. Несомненно, что иногда эти настроения перехватываются... враждебными нам кругами в Китае»⁵⁷.

Разорванные летом 1929 г. советско-китайские отношения были восстановлены лишь после начала японской агрессии в Маньчжурии. На переговорах по разоружению в Женеве В. В. Иен (Янь Хуйцин) провел консультации по этому вопросу с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, и 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и КР. Но в это время оккупированная японцами Маньчжурия надолго была выведена из системы советско-китайских отношений.

Таким образом, конфликт между Советским Союзом и Китаем на КВЖД в 1929 г. показал, что советско-китайские противоречия в Маньчжурии выходили на уровень вооруженного столкновения лишь в ситуации обострения всего комплекса двухсторонних проблем. Определенную роль в развитии противостояния двух стран в конце 1920-х гг. сыграли проблемы, связанные с китайским присутствием в СССР. В свою очередь конфликт на КВЖД повлиял на ситуацию вокруг китайской миграции, стал рубежным событием в ее истории: 1929 г. поставил крест на перспективах начавшей было формироваться общине советских китайцев.

Примечания

¹ Отсутствие новых исследований по данному вопросу ведет к появлению ничем не обоснованных заявлений. Например, некий А. Кириченко в статье «Нюансы “Маньчжурского блиц-крига”» пишет: «В 1929 г., когда советские войска нарушили китайскую границу и вторглись в Маньчжурию (в районе китайского города Хайлар), чтобы “покарать хунхузов” на КВЖД. Китай болезненно прореагировал на бесцеремонное вооруженное вторжение советских войск на его территорию и разорвал дипломатические отношения с СССР. По своим основным признакам этот “конфликт на КВЖД”, как его называют отечественные историки, был первой агрессивной войной после окончания Первой мировой» (Знакомьтесь – Япония. 2000. № 3. С. 66). Но следует признать справедливым следующее замечание: «Наша пресса и продолжает помещать материалы, которые весьма поверхностно и односторонне освещают события, связанные с конфликтом на КВЖД в 1929 году» (Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003. С. 221).

² Самый крупный вооруженный конфликт между Россией и Китаем из-за КВЖД произошел в 1900 г., когда для защиты своих прав и интересов на дороге Россия вынуждена была оккупировать на несколько лет всю Маньчжурию (Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996).

³ Сибирские огни. 1927. № 1. С. 177.

⁴ Там же.

⁵ См.: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999.

⁶ См.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 175.

⁷ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 167.

⁸ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГА ХК), ф. П-2, оп. 1, д. 367, л. 265.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 65, л. 157–178.

¹¹ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 145.

¹² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИ ИО), ф. 16, оп. 1, д. 504, л. 3.

¹³ Там же, л. 13.

¹⁴ Там же, д. 1258, л. 89.

- ¹⁵ Там же, д. 504, л. 4.
- ¹⁶ ГА ХК, ф. П-2, оп. 9, д. 19.
- ¹⁷ Там же, оп. 11, д. 415, л. 9.
- ¹⁸ Там же, л. 10.
- ¹⁹ Там же, оп. 1, д. 66, л. 145.
- ²⁰ Китайские власти и общество болезненно реагировали на ввоз китайских рабочих в Российскую империю, всячески пытались этому препятствовать (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, ф. 42, оп. 1, д. 41).
- ²¹ ГА ХК, ф. П-2, оп. 1, д. 76, л. 197.
- ²² Там же, д. 112, л. 106.
- ²³ *Кочегарова Е.Л.* К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20–30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002.
- ²⁴ Государственный архив Амурской области (далее – ГА АО), ф. Р-481, оп. 3, д. 93, л. 3.
- ²⁵ Государственный архив Восточно-Казахстанской области, ф. 788, оп. 1, д. 33, л. 35.
- ²⁶ *Федюнинский И.И.* На Востоке. М., 1985. С. 5.
- ²⁷ ГА АО, ф. Р-81, оп. 1, д. 79, л. 34.
- ²⁸ Там же, л. 35.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. М., 2000. С. 82–83.
- ³¹ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 146.
- ³² Советская Сибирь. 1929. 27 июля.
- ³³ ГАНИ ИО, ф. 16, оп. 1, д. 1258, л. 116.
- ³⁴ ГА ХК, ф. П-2, оп. 11, д. 99, л. 20 об.–21.
- ³⁵ ГАНИ ИО, ф. 16, оп. 1, д. 1225, л. 116.
- ³⁶ ГА ХК, ф. П-2, оп. 11, д. 416, л. 1.
- ³⁷ Советская Сибирь. 1929. 3–4 августа.
- ³⁸ ГА ХК, ф. П-2, оп. 11, д. 99, л. 20.
- ³⁹ ГАНИ ИО, ф. 16, оп. 1, д. 1258, л. 81.
- ⁴⁰ Там же, д. 1477, л. 86.
- ⁴¹ ГА ХК, ф. П-2, оп. 1, д. 104, л. 78–80.
- ⁴² ГАНИ ИО, ф. 16, оп. 1, д. 975, л. 53–54.
- ⁴³ *Гузин А.С.* О некоторых аспектах политико-дипломатической истории советско-китайского конфликта 1929 г. на КВЖД // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований (Иркутск). 1999. № 1. С. 143.
- ⁴⁴ 1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск; М., 2006. С. 219.
- ⁴⁵ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. Барнаул, 1998. С. 163, 420.
- ⁴⁶ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф. 47, оп. 5, д. 100, л. 78.
- ⁴⁷ *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С. 137.
- ⁴⁸ *Федюнинский И.И.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁹ Советская Сибирь. 1930. 3 января.
- ⁵⁰ ГА ХК, ф. П-2, оп. 11, д. 412, л. 1.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ ГА НО, ф. Р-47, оп. 5, д. 100, л. 20.
- ⁵⁴ Там же, л. 77.
- ⁵⁵ Там же, л. 78.
- ⁵⁶ 21 июля 1930 г. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев»; на заседании Коллегии Наркомзема РСФСР от 21 ноября 1930 г. был обсужден вопрос «О колхозах с корейским и китайским населением ДВКрая»; в 1931 г. президиум Далькрайисполкома принял постановление «О пятилетнем плане развития Дальневосточной китайской советско-партийной школы», а во Владивостоке прошла первая конференция по латинизации китайской письменности и т.д.
- ⁵⁷ ГА ХК, ф. П-2, оп. 4, д. 364, л. 69.